

Toronto Salutes Dante

Inferno XIV in Italian, English, and Russian

Italian	English	Russian
Poi che la carità del natio loco mi strinse, raunai le fronde sparte e rende' le a colui, ch'era già fioco.	Love of our native city overcame me; I gathered up the scattered boughs and gave them back to him whose voice was spent already.	Объят печалью о местах, мне милых, Я подобрал опавшие листья И обессиленному возвратил их.
Indi venimmo al fine ove si parte lo secondo giron dal terzo, e dove si vede di giustizia orribil arte.	From there we reached the boundary that divides the second from the third ring-and the sight of a dread work that justice had devised.	Пройдя сквозь лес, мы вышли у черты, Где третий пояс лег внутри второго И гневный суд вершится с высоты.
A ben manifestar le cose nove, dico che arrivammo ad una landa che dal suo letto ogne pianta remove.	To make these strange things clear, I must explain that we had come upon an open plain that banishes all green things from its bed.	Дабы явить, что взору было ново, Скажу, что нам, огромной пеленой, Открылась степь, где нет ростка живого.
La dolorosa selva l'è ghirlanda intorno, come 'l fosso tristo ad essa; quivi fermammo i passi a randa a randa.	The wood of sorrow is a garland round it, just as that wood is ringed by a sad channel; here, at the very edge, we stayed our steps.	Злосчастный лес ее обвил каймой, Как он и сам обвит рекой горячей; Мы стали с краю, я и спутник мой.
Lo spazzo era una rena arida e spessa, non d'altra foggia fatta che colei che fu da' piè di Caton già soppressa.	The ground was made of sand, dry and compact, a sand not different in kind from that on which the feet of Cato had once tramped.	Вся даль была сплошной песок сыпучий, Как тот, который попирал Катон, Из края в край пройдя равниной жгучей.
O vendetta di Dio, quanto tu dei esser temuta da ciascun che legge ciò che fu manifesto a li occhi mei!	O vengeance of the Lord, how you should be dreaded by everyone who now can read whatever was made manifest to me!	О божья месть, как тяжко уstraшен Быть должен тот, кто прочитает ныне, На что мой взгляд был въяве устремлен!
D'anime nude vidi molte gregge che piangean tutte assai miseramente, e pareva posta lor diversa legge.	I saw so many flocks of naked souls, all weeping miserably, and it seemed that they were ruled by different decrees.	Я видел толпы голых душ в пустыне: Все плакали, в терзанье вековом, Но разной обреченные судьбине.
Supin giacea in terra alcuna gente, alcuna si sedea tutta raccolta, e altra andava continüamente.	Some lay upon the ground, flat on their backs; some huddled in a crouch, and there they sat; and others moved about incessantly.	Кто был повержен навзничь, вверх лицом, Кто, съжившись, сидел на почве пыльной, А кто сновал без устали кругом.
Quella che giva 'ntorno era più molta, e quella men che giacèa al tormento, ma più al duolo avea la lingua sciolta.	The largest group was those who walked about, the smallest, those supine in punishment; but these had looser tongues to tell their torment.	Разряд шагавших самый был обильный; Лежавших я всех меньше насчитал, Но вопль их скорбных уст был самый сильный.
Sovra tutto 'l sabbion, d'un cader lento, piovean di foco dilatate falde, come di neve in alpe senza vento.	Above that plain of sand, distended flakes of fire showered down; their fall was slow- as snow descends on alps when no wind blows.	А над пустыней медленно спадал Дождь пламени, широкими платками, Как снег в безветрии нагорных скал.
Quali Alessandro in quelle parti calde d'Indiā vide sopra 'l sūo stuolo fiamme cadere infino a terra salde,	Just like the flames that Alexander saw in India's hot zones, when fires fell, intact and to the ground, on his battalions,	Как Александр, под знойными лучами Сквозь Индию ведя свои полки, Настигнут был падучими огнями
per ch'ei provide a scalpitar lo suolo con le sue schiere, acciò che lo vapore mei si stingueva mentre ch'era solo:	for which-wisely-he had his soldiers tramp the soil to see that every fire was spent before new flames were added to the old;	И приказал, чтобы его стрелки Усерднее топтали землю, зная, Что порознь легче гаснут языки, -
tale scendeva l'eternale ardore; onde la rena s'accendea, com'esca sotto focile, a doppiar lo dolore.	so did the never-ending heat descend; with this, the sand was kindled just as tinder on meeting flint will flame-doubling the pain.	Так опускалась вьюга огневая; И прах пылал, как под огнивом трут, Мучения казнимых удвояя.
Sanza riposo mai era la tresca de le misere mani, or quindi or quinci escotendo da sé l'arsura fresca.	The dance of wretched hands was never done; now here, now there, they tried to beat aside the fresh flames as they fell. And I began	И я смотрел, как вечный пляс ведут Худые руки, стряхивая с тела То здесь, то там огнепалящий зуд.
I' cominciai: "Maestro, tu che vinci tutte le cose, fuor che ' demon duri ch'a l'intrar de la porta incontra uscinci,	to speak: "My master, you who can defeat all things except for those tenacious demons who tried to block us at the entryway,	Я начал: "Ты, чья сила одолела Все, кроме бесов, коими закрыт Нам доступ был у грозного предела,
chi è quel grande che non par che curi lo 'ncendio e giace dispettoso e torto, sì che la pioggia non par che 'l marturi?".	who is that giant there, who does not seem to heed the singeing-he who lies and scorns and scowls, he whom the rains can't seem to soften?"	Кто это, рослый, хмуро так лежит, Презрев пожар, палящий отовсюду? Его и дождь, я вижу, не смягчит".
E quel medesmo, che si fu accorto ch'io domandava il mio duca di lui, gridò: "Qual io fui vivo, tal son morto.	And he himself, on noticing that I was querying my guide about him, cried: "That which I was in life, I am in death.	А тот, поняв, что я дивлюсь, как чуду, Его гордыне, отвечал, крича: "Каким я жил, таким и в смерти буду!
Se Giove stanchi 'l suo fabbro da cui crucciato prese la folgore aguta onde l'ultimo di percosso fui;	Though Jove wear out the smith from whom he took in wrath, the keen-edged thunderbolt with which on my last day I was to be transfixed;	Пускай Зевес замучит ковача, Из чьей руки он взял перун железный, Чтоб в смертный день меня сразить сплеча,

o s'elli stanchi li altri a muta a muta
in Mongibello a la focina negra,
chiamando "Buon Vulcano, aiuta, aiuta!",

sì com'el fece a la pugna di Flegra,
e me saetti con tutta sua forza:
non ne potrebbe aver vendetta allegra".

Allora il duca mio parlò di forza
tanto, ch'i' non l'avea sì forte udito:
"O Capaneo, in ciò che non s'ammorza

la tua superbia, se' tu più punito;
nullo martiro, fuor che la tua rabbia,
sarebbe al tuo furor dolor compito".

Poi si rivolse a me con miglior labbia,
dicendo: "Quei fu l'un d'i sette regi
ch'assiser Tebe; ed ebbe e par ch'elli abbia

Dio in disdegno, e poco par che 'l pregi;
ma, com'io dissi lui, li suoi dispetti
sono al suo petto assai debiti fregi.

Or mi vien dietro, e guarda che non metti,
ancor, li piedi ne la rena arsiccia;
ma sempre al bosco tien li piedi stretti".

Tacendo divenimmo là 've spiccia
fuor de la selva un picciol fiumicello,
lo cui rossore ancor mi raccapriccia.

Quale del Bulicame esce ruscello
che parton poi tra lor le peccatrici,
tal per la rena giù sen giva quello.

Lo fondo suo e ambo le pendici
fatt'era 'n pietra, e ' margini dallato;
per ch'io m'accorsi che 'l passo era lici.

"Tra tutto l'altro ch'i' t' ho dimostrato,
poscia che noi intrammo per la porta
lo cui sogliare a nessuno è negato,

cosa non fu da li tuoi occhi scorta
notabile com'è 'l presente rio,
che sovra sé tutte fiammelle ammorta".

Queste parole fuor del duca mio;
per ch'io 'l pregai che mi largisse 'l pasto
di cui largito m'avèa il disio.

"In mezzo mar siede un paese guasto",
diss'elli allora, "che s'appella Creta,
sotto 'l cui rege fu già 'l mondo casto.

Una montagna v'è che già fu lieta
d'acqua e di fronde, che si chiamò Ida;
or è diserta come cosa vieta.

Rèa la scelse già per cuna fida
del suo figliuolo, e per celarlo meglio,
quando piangea, vi facea far le grida.

Dentro dal monte sta dritto un gran veglio,
che tien volte le spalle inver' Dammiata
e Roma guarda come s'io specchio.

La sua testa è di fin oro formata,
e puro argento son le braccia e 'l petto,
poi è di rame infino a la forcata;

da indi in giuso è tutto ferro eletto,
salvo che 'l destro piede è terra cotta;
e sta 'n su quel, più che 'n su l'altro, eretto.

Ciascuna parte, fuor che l'oro, è rotta
d'una fessura che lagrime goccia,
le quali, accolte, fóran quella grotta.

or if he tire the others, one by one,
in Mongibello, at the sooty forge,
while bellowing: 'O help, good Vulcan, help!'-

just as he did when there was war at Phlegra-
and casts his shafts at me with all his force,
not even then would he have happy vengeance."

Then did my guide speak with such vehemence
as I had never heard him use before:
"O Capaneus, for your arrogance

that is not quenched, you're punished all the more:
no torture other than your own madness
could offer pain enough to match your wrath."

But then, with gentler face he turned to me
and said: "That man was one of seven kings
besieging Thebes; he held-and still, it seems,

holds-God in great disdain, disprizing Him;
but as I told him now, his maledictions
sit well as ornaments upon his chest.

Now follow me and-take care-do not set
your feet upon the sand that's burning hot,
but always keep them back, close to the forest."

In silence we had reached a place where flowed
a slender watercourse out of the wood-
a stream whose redness makes me shudder still.

As from the Bulicame pours a brook
whose waters then are shared by prostitutes,
so did this stream run down across the sand.

Its bed and both its banks were made of stone,
together with the slopes along its shores,
so that I saw our passageway lay there.

"Among all other things that I have shown you
since we first made our way across the gate
whose threshold is forbidden to no one,

no thing has yet been witnessed by your eyes
as notable as this red rivulet,
which quenches every flame that burns above it."

These words were spoken by my guide; at this,
I begged him to bestow the food for which
he had already given me the craving.

"A devastated land lies in midsea,
a land that is called Crete," he answered me.
"Under its king the world once lived chastely.

Within that land there was a mountain blessed
with leaves and waters, and they called it Ida;
but it is withered now like some old thing.

It once was chosen as a trusted cradle
by Rhea for her son; to hide him better,
when he cried out, she had her servants clamor.

Within the mountain is a huge Old Man,
who stands erect-his back turned toward Damietta-
and looks at Rome as if it were his mirror.

The Old Man's head is fashioned of fine gold,
the purest silver forms his arms and chest,
but he is made of brass down to the cleft;

below that point he is of choicest iron
except for his right foot, made of baked clay;
and he rests more on this than on the left.

Each part of him, except the gold, is cracked;
and down that fissure there are tears that drip;
when gathered, they pierce through that cavern's floor

Или пускай работой бесполезной
Всех в Монджибельской кузне надорвет,
Воля: "Спасай, спасай. Вулкан любезный!",

Как он над Флегрой возгласал с высот,
И пусть меня громит грозой всечасной, -
Веселой мести он не обретет!"

Тогда мой вождь воскликнул с силой страстной,
Какой я в нем не слышал никогда:
"О Капаней, в гордыне неугасной -

Твоя наитягчайшая беда:
Ты сам себя, в неистовстве великом,
Казнишь жесточе всякого суда".

И молвил мне, с уже спокойным ликом:
"Он был один из тех семи царей,
Что осаждали Фивы; в буйстве диком,

Гнушался богом - и не стал смирней;
Как я ему сказал, он по заслугам
Украшен славой дерзостных речей.

Теперь идем, как прежде, друг за другом;
Но не касайся жгучего песка,
А обходи, держась опушки, кругом".

В безмолвье мы дошли до ручейка,
Спешащего из леса быстрым током,
Чья алость мне и до сих пор жутка.

Как Буликаме убегает стоком,
В котором воду грешницы берут,
Так нистекал и он в песке глубоком.

Закраины, что по бокам идут,
И дно его, и склоны - камнем стали;
Я понял, что дорога наша - тут.

"Среди всего, что мы с тобой видали
С тех самых пор, как перешли порог,
Открытый всем входящим, ты едва ли

Чудеснее что-либо встретить мог,
Чем эта речка, силой испаренья
Смирняющая всякий огонек".

Так молвил вождь; взыска поученья,
Я попросил, чтоб, голоду вослед,
Он мне и пищу дал для утоленья.

"В середине моря, - молвил он в ответ, -
Есть ветхий край, носящий имя Крита,
Под чьим владыкой был безгрешен свет.

Меж прочих гор там Ида знаменита;
Когда-то влагой и листвой блестя,
Теперь она пустынна и забыта.

Ей Рея вверила свое дитя,
Ища ему приюта и опеки
И плачущего шумом защита.

В горе стоит великий старец некий;
Он к Дамиате обращен спиной
И к Риму, как к зеркалу, поднял веки.

Он золотой сияет головой,
А грудь и руки - серебро литое,
И дальше - медь, дотуда, где раздвои;

Затем - железо донизу простое,
Но глиняная правая плюсна,
И он на ней почил, как на устое.

Вся плоть, от шеи вниз, рассечена,
И капли слез сквозь трещины струятся,
И дно пещеры гложет их волна.

Lor corso in questa valle si diroccia;
fanno Acheronte, Stige e Flegetonta;
poi sen van giù per questa stretta doccia,

infin, là ove più non si dismonta,
fanno Cocito; e qual sia quello stagno
tu lo vedrai, però qui non si conta".

E io a lui: "Se 'l presente rigagno
si deriva così dal nostro mondo,
perché ci appar pur a questo vivagno?"

Ed elli a me: "Tu sai che 'l loco è tondo;
e tutto che tu sie venuto molto,
pur a sinistra, giù calando al fondo,

non se' ancor per tutto 'l cerchio vòlto;
per che, se cosa n'apparisce nova,
non de' addur meraviglia al tuo volto".

E io ancor: "Maestro, ove si trova
Flegetonta e Letè? ché de l'un taci,
e l'altro di' che si fa d'esta piova".

"In tutte tue question certo mi piaci",
rispuose, "ma 'l bollor de l'acqua rossa
dovea ben solver l'una che tu faci.

Letè vedrai, ma fuor di questa fossa,
là dove vanno l'anime a lavarsi
quando la colpa pentuta è rimossa".

Poi disse: "Omai è tempo da scostarsi
dal bosco; fa che di retro a me vegne:
li margini fan via, che non son arsi,

e sopra loro ogne vapor si spegne".

and, crossing rocks into this valley, form
the Acheron and Styx and Phlegethon;
and then they make their way down this tight channel,

and at the point past which there's no descent,
they form Cocytus; since you are to see
what that pool is, I'll not describe it here."

And I asked him: "But if the rivulet
must follow such a course down from our world,
why can we see it only at this boundary?"

And he to me: "You know this place is round;
and though the way that you have come is long,
and always toward the left and toward the bottom,

you still have not completed all the circle:
so that, if something new appears to us,
it need not bring such wonder to your face."

And I again: "Master, where's Phlegethon
and where is Lethe? You omit the second
and say this rain of tears has formed the first."

"I'm pleased indeed," he said, "with all your questions;
yet one of them might well have found its answer
already-when you saw the red stream boiling.

You shall see Lethe, but past this abyss,
there where the spirits go to cleanse themselves
when their repented guilt is set aside."

Then he declared: "The time has come to quit
this wood; see that you follow close behind me;
these margins form a path that does not scorch,

and over them, all flaming vapor is quenched."

В подземной глубине из них рождаются
И Ахерон, и Стикс, и Флегетон;
Потом они сквозь этот сток стремятся,

Чтоб там, внизу, последний минув склон,
Создать Коцит; но умолчу про это;
Ты вскоре сам увидишь тот затон".

Я молвил: "Если из земного света
Досюда эта речка дотекла,
Зачем она от нас таилась где-то?"

И он: "Вся эта впадина кругла;
Хотя и шел ты многими тропами
Все влево, опускаясь в глубь жерла,

Но полный круг еще не пройден нами;
И если случай новое принес,
То не дивись смущенными очами".

"А Лета где? - вновь задал я вопрос. -
Где Флегетон? Ее ты не отметил,
А тот, ты говоришь, возник из слез".

"Ты правильно спросил, - мой вождь ответил.
Но в клочотаньи этих алых вод
Одну разгадку ты воочью встретил.

Придешь и к Лете, но она течет
Там, где душа восходит к омовенью,
Когда вина избытая спадет".

Потом сказал: "Теперь мы с этой сенью
Простимся; следуй мне и след храни:
Тропа идет вдоль русла, по теченью,

Где влажный воздух гасит все огни".

Credits

Italian: D. Alighieri, *La Commedia secondo l'antica vulgata*, ed. by G. Petrocchi (Florence, 1994) from the website www.danteonline.it by the Società dantesca italiana.

English: D. Alighieri, *The Divine Comedy*, ed. by Allen Mandelbaum (Berkeley, 1980) from the website www.danteonline.it by the Società dantesca italiana.

Russian: Данте Алигьери, *Божественная комедия*, ed. by Michail Lozinskij (Moscow, 1982; ed. orig. 1946).

Commemorating the 700th anniversary of the death of Dante Alighieri, **Toronto Salutes Dante** features more than thirty Canada-based guests who read Dante's *Inferno* in various languages, several for the first time. In addition to ten different Italian dialects, there are represented Anishinaabemowin, Arabic, Bulgarian, English, Farsi, French, German, Latin, Mandarin, Portuguese, Québécois, Russian, Sanskrit, Slovak, Spanish, Stoney Nakoda, Swedish, Thai, and Ukrainian. In 15-minute clips, well-known personalities of Canadian public and cultural life, professors, and students at the University of Toronto, and members of the Italo-Canadian community share their voices and fresh memories of the most important Italian author in world literature. Listen to Dante's *Inferno* as you have never heard it before on the [Department of Italian Studies' Youtube channel](#) from March 25th to June 2021.

From an original idea of Elisa Brilli, George Ferzoco, and Nicholas Terpstra, and thanks to the invaluable work of Alice Martignoni and Nattapol Ruangsri (Research Assistants). Sponsored by the Department of Italian Studies, the Emilio Goggio Chair in Italian Studies at the University of Toronto, the Istituto Italiano di Cultura di Toronto, and Villa Charities.